

Камыш перед глазами качался под ветром.

Ноги у Чжао Наня ослабли, но он всё равно пошёл вместе с остальными.

Старик лежал навзничь на сырой земле, покрытой гниющими листьями. Одежду на животе рассёк клинок, оставив страшную кровавую рану. Тёмно-красная кровь испятнала листья камыша.

Это действительно был Чжан Кунь.

Он с трудом поворачивал голову. Вывернутые губы беспрерывно шевелились, изо рта выступала кровавая пена.

На ресницах Чжао Наня осела водяная пыль.

Он глубоко вдохнул и, не тратя ни секунды на раздумья, опустился рядом на корточки.

Медлить было нельзя. Он раздвинул ткань вокруг раны, и чистые белые пальцы мгновенно окрасились кровью.

Чэнь Пин так испугался, что руки задрожали. Подойти и силой оттащить княжеского супруга он не осмеливался, поэтому лишь опустился на колени и попытался убедить:

— Вы испачкаете руки.

Чжао Нань покачал головой.

К счастью, рана не пробила брюшную полость насквозь, и кишечник наружу не вышел.

Он сжал губы и упрямо произнёс:

— Это не грязь.

Чэнь Пин стиснул пальцы и на мгновение застыл.

На самом деле смерть Чжан Куня была выгоднее, чем его жизнь.

С рождения его продали в усадьбу хоу. На теле до сих пор оставалось клеймо домашнего раба рода хоу Лунси.

Даже если Цуй Юань убьёт старика, это ничего не изменит.

Достаточно будет отправить сегодняшних пленённых стражников рода Цуй на допрос в Далисы, предъявить кровавое письмо и объявить всем, что Чжан Кунь — бывший слуга семьи Ци. Тогда обвинение в том, что Цуй Юань «убивал свидетеля, уничтожая доказательства», станет практически неоспоримым.

После этого можно заново открыть старое дело хоу Лунси, обвинить Цуй Юаня в уничтожении знатного рода и добавить к этому доказательства хищения средств на помощь пострадавшим и тайной продажи военного железа — почти государственной измены.

Как бы вдовствующая императрица ни пыталась защитить родственников, этого было достаточно, чтобы император приговорил главу рода Цуй к смерти и лишил канцлера власти.

Когда могущественная родня императрицы падёт, двор Дачана неизбежно перевернётся вверх дном.

Этого многие ждали годами.

Но разве методы Фу Цзюэчжи в отношении Чжан Куня можно было назвать чистыми?

Если оставить свидетеля в живых, он мог однажды обвинить и самого князя в корыстных намерениях, раскрыть подробности и утянуть за собой обе придворные партии.

Мёртвые не создают неожиданностей.

С самого начала Фу Цзюэчжи не собирался позволять Чжан Куню жить.

И то, что старик теперь лежал при смерти, полностью соответствовало его расчётам.

Но княжеский супруг был добрым, мягкосердечным и почти ничего не знал о политике. Он и князь словно стояли на двух противоположных концах мира.

Чжао Нань не мог смотреть, как человек, который ещё недавно смеялся и разговаривал с ним, через мгновение оказывается намеренно отправлен на смерть.

Даже если вмешательство потребует платы, он не мог просто отвернуться.

Чэнь Пин много лет следовал за князем и давно привык измерять человеческую жизнь выгодой и потерями. Поэтому он не понимал почти наивного сострадания в глазах Чжао Наня.

Он замолчал, а затем всё же жёстко сказал:

— Княжеский супруг... этого человека можно не спасать.

Пальцы Чжао Наня замерли.

Лицо стало пустым.

— Почему его не спасать?

Он вырос с современным представлением о равной ценности человеческой жизни. Так же как Чэнь Пин не понимал его, он не понимал Чэнь Пина.

В груди всё онемело. Растерянный Чжао Нань напоминал испуганного зверька, который присел рядом с Чжан Кунем и дрожащим голосом спросил:

— Это человеческая жизнь. Он ещё может выжить. Почему его не спасать?!

Над головой шелестели камышовые листья. Даже дыхание Чжао Наня дрожало.

Глаза несколько мгновений смотрели в пустоту, а затем он словно что-то понял.

Каждый человек свободен делать собственный выбор. Он не мог и не имел права заставлять их жить по его принципам.

Чжао Нань вытер влагу с глаз и тихо пробормотал:

— Простите. Простите.

— Мне нужно немного времени. Просто подождите меня совсем чуть-чуть.

Обычно ясные чёрные глаза сейчас затуманились. Он почти умоляюще договорился:

— Я перевяжу рану, остановлю кровь — и мы сразу вернёмся в карету. Сразу уедем...

До смерти в прежнем мире Чжао Нань проходил занятия по безопасности и первой помощи.

Он сложил платок в три слоя, прижал к ране, нащупал место сбоку от прямой мышцы живота и, словно загипнотизированный, непрерывно повторял:

— Только немного подождите... немного...

Чэнь Пин смотрел на его залитые кровью руки и не мог отвести глаз.

Если бы князь оказался здесь и увидел такого упрямого княжеского супруга, что бы он подумал? Что бы сделал?

Чжао Нань всего лишь однажды сказал: «Хочу поехать с тобой по делам» — и князь переделал весь план, позволив ему присоединиться.

Даже сейчас, когда всё шло по расчёту, Фу Цзюэчжи выделил половину личной охраны только для того, чтобы Чжао Нань благополучно вернулся домой.

Ответ пришёл почти мгновенно.

Костяшки пальцев Чэнь Пина побелели.

Он глубоко вдохнул и рявкнул слугам позади:

— Приказ княжеского супруга для вас уже не приказ?! Все сюда! Спасайте человека!

Стражники действовали куда профессиональнее Чжао Наня. Полосы ткани туго прижали к ране и завязали на боку Чжан Куня.

Губы старика посинели, глаза наполовину закрылись. Он смотрел, как над головой качаются переплетённые камышовые стебли.

Кровавая пена забивала язык. Пальцы были полны грязи, тело судорожно подёргивалось. Сознание мутилось, и Чжан Кунь снова и снова бессвязно повторял:

— Цуй Юань... Фу Цзюэчжи... погубили меня... чтоб им не сдохнуть своей смертью... обоим...

— Так им и надо...

Услышав обвинение в адрес Фу Цзюэчжи, Чжао Нань почувствовал тяжёлую смесь щемящей боли и горечи.

Он резко выдохнул и громко перебил старика:

— Поменьше разговаривайте!

Впервые в жизни он так невежливо разговаривал со старшим. Смутившись, он тут же смягчил голос:

— Не говорите. Сохраните силы.

Звон оружия вдали постепенно стих.

Чэнь Пин прикинул, что князь уже заканчивает бой, и немедленно послал человека доложить обо всём произошедшем.

— Ха-ха-ха... помереть-то хорошо... все только и ждут, когда я сдохну...

Кровь пропитывала влажную землю у корней травы. Незакрывающийся левый глаз Чжан Куня налился кровью, тело от боли давно почти онемело.

Он хрипло рассмеялся, будто сломанные кузнечные мехи. Но в глазах оставалась мучительная тоска.

— Я столько лет служил господину хоу... когда уйду... туда, вниз... я всё равно хочу...

— Хочу опять ему служить... мне лучше умереть...

Небо стало серо-чёрным. В камышах шелестели крылья осенних насекомых.

Чжао Нань опустил голову и обеими ладонями бережно взял обожжённую левую руку старика.

— Ничего хорошего.

Он чувствовал бессилие и печаль.

— Ты сохранил ему верность до сих пор, даже сейчас думаешь о хоу Лунси. Значит, наверняка хочешь ещё и очистить его имя и добиться наказания Цуй Юаня.

— Но Цуй Юань — также политический враг князя. Дело хоу Лунси стало оружием Фу Цзюэчжи против него. Если уж клинок вынули из ножен, он должен ударить насмерть.

В конце голос Чжао Наня стал растерянным:

— У вас разные причины, но разве цель не одна?

Глаза снова затуманились.

— Ты поможешь ему, он поможет тебе. Почему для этого обязательно должен кто-то умереть?

В камышах было тихо.

Никто не мог дать ему единственно правильный ответ.

Чэнь Пин вздохнул, словно хотел что-то сказать, но увидел, как Чжао Нань обнял колени, сжался среди камыша, а выражение лица вновь стало серьёзным и решительным.

— Ты должен жить.

— Должен увидеть, как Цуй Юань попадёт в тюрьму. Сам увидеть, как он расплатится жизнью.

Вдалеке крикнула водяная птица. За горизонтом прокатился глухой гром.

Веки Чжан Куня тяжелели. Он смотрел, как над головой покачиваются свинцовые облака.

Людей вроде него всю жизнь крутили и унижали бесчисленные чиновники. Мир и судьба вдавливали их в грязь так глубоко, что даже дыхание пахло землёй.

Но и это ещё не повод сдаваться.

Выбили зуб — проглоти его вместе с кровью. Согнули хребет — упрись коленями в стену и поднимись. Даже если рот забили грязью, всё равно плюнь ею наружу с достоинством.

Он дожил до таких лет — всё дальнейшее уже было прибылью.

Даже крыса однажды должна осмелиться огрызнуться на кошку.

Так пусть он отбросит мысли о смерти, об обидах и станет свидетелем Фу Цзюэчжи — поможет уничтожить Цуй Юаня так, чтобы тот больше никогда не поднялся.

Поможет князю.

И поможет себе.

— Я должен жить...

Из обожжённого уголка глаза Чжан Куня скатилась мутная слеза. Он закашлялся кровью, стиснул зубы и начал повторять слово за словом:

— Должен... увидеть, как Цуй Юань попадёт в тюрьму... сам увидеть... как он заплатит жизнью.

<http://bllate.org/book/19943/1983941>